

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

Молчалив, по фразе кабаринского дыма с искрой, смеясь, краснея, как Хвостов, озабочено влаив вал рашкой, Горюничай — Истомя, в этот вечер справивший 25-летний юбилей работы на сцене, всероссийский горюничай Словозна — Душаровский, готовый отпраздновать 100-летие со дня своего появления на сцене, читал письмо от куна Андрея Ивановича Чмыкова и незлобно недоуможен оглядывался на находившего шпека. «...Так как я знаю, что за тобой, как за всяким, водятся грехи, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что выпадет в руки...»

Гордей Ильич Макаров, честнейший и тихийший человек, присел за стол «Шпекля» в селе Матчерна, удальстервенно хрюкнул и потер руки: — Эх-ма!

Он был необычайно доволен, Гордей Ильич. Теперь он сразу понял, а чем дело: на худика городничего идет управа.

Макаров хмыльнулся и, спохватившись, огляделся: — а может, несправедливо?

Белый рой почтими мотыльков вился у верхних софитов, нлетала на 8.000 свечей, загорающихся в только-что убранном здании бывшего лесного завода. Деревья вносила свои поправки в оформление классического «Ревизора».

Петра Ивановича спорили, кто из них правше сказал «а». Три подружки в красных повесах, в многообразных цветных платках, подталкивали друг другую мотыли, а дивясь от золота, жарким языком рты.

Что вы, девчата, давите? Уходите вольно, — сказал я им в азаряде.

Заворно, поки. Помесеема, а чего доброго, люди скажут: «Ишь, репонул, дуры дряннейшая...»

Хвостово по спешу упорно разглядывал деда Савелия из села Шындя. Дед

Савелий, лытый, семидесятилетний, сидел на самом почетном месте — посредине первого ряда. О боге его и за нам сидели театральные критики, драматурги, Варейские, сидел лучший Хвостов Союз — заслуженный деятель искусства Остужев, но Хвостово — Старюлис упорно сидел за делом Савелием. Дед сказал беззубый рот, Мочальная борода не отвисала, рот был раскрыт, и ноги деду были в лаптяшках. Хвостово всматривался в этого посетителя первого ряда Академического театра, словно в зеркала, Деду нравилось. Он слушал заинтересованно и жадно, слушал, осклабясь, и, забывшись, заигрывался рондал: «Эх, хэтх пестя!»... Реплика эта доносилась до Хвостована, и в гласз его пробегал недозволенный режиссерский смехотвор. Такого зрителя актер еще не видел. Но и дед Савелий никогда не видел Хвостована. Он был в театре единственный раз в жизни, когда отбыл солдатству. С тех пор дед Савелий даже в кино не был ни разу.

Но и он, и крикливоый хозяйственнейший человек, в районе Макаров, и краснощекие луноглазые деки на Рашана не отрывались, глядели на сцену, и зина их были врасходу раз выражаться, чем все рецензия, когда-либо писанные в истории театра.

Цвет русской аристократии господствовал здесь веками. Князь Волконский, князь Долгоруков, графы Волконцы — Дамовцы владели здесь землями, душами и животами людей. И сейчас еще жуткими памятниками их власти выступают выгнившие по косторам деревни и села с многоэтажными церквями и изобаканья под соломенной стрелой, изобья без пестей, курьями, закоптеыми избами, в которых тедатра, спивши и куры живут на правах, охматовых с человеком.

Здесь — глушь. Здесь до сих пор ре-

пятся избы «по-черному», и дым вылетает глаза. От грязи и дыма трамвая с'сдела зрение, парши и вонь ведали человеческую голову. Три года назад в зешних селах было два-три грамотных человека. Два года назад в бойниках у тусклых икон стояли деревянные иконы, остатки язычества, — тайные боги морзвы, замороженной православияем.

Здесь — край моря, обрусевшего мордовского племена. От подмосковных сел, от Егорьевска, где жавет ищера, до Рашани и Пензы, заселенных молчаливо до Поволжья черемисов, рязань и эрзя живут мордвяны, мордовские племена, насильственно превращенные в христиан, бывшие крепостные русской аристократии. Здесь — родина молочанства, хмствования, боготорочий шутства. Здесь — мир суеваний, раскольников, богоскателей. Задвигалая малоземелье, нищетои и безправие, не вынесшая церковной ажи, здесь деревня искала выхода из курной избы и рожадала протест, уход в селты, убегаа за Волгу, плад, засильев набат городов, поджигала усадьбы, громила помещика, и зарева подымались над зесом и степью, как зарницы грядущих восстаний.

И сейчас еще в этой деревне ищелье уже немного избы без пестей, без труб. Ищелье и сейчас стоят без пестей, без дворов. И сейчас еще некоторые отживающие от миза, преклончатя голову-заво вымывши гашной и выжаты белы нежком. И сейчас еще девушки, раздраженные арко-красные красноватые платки, поют алмовые жалочки. Даже в праздничные день. Носят, хоти за прошлый год колхозны выдалы по 6 — 7 килограммов зерна на грядущее, сахар за годовую государствену свезли, дали корму, овану, поросат. Носят лапы, и очень черело гремя ярчайших бод в кораллах и монетах ушлиши конские зубы — традиционные азвучты морзвы.

Революция привнесла в эти села... трубы, выгнанные трубы, — это было крупнейшим завоеванием культуры. Революция привнесла больницы, школы, радио, электричество, но ничто не вырвало такого споротивления кулацким элементам, ничто так не изменило языче и человеческую сущность, как обильноповенная пень, позволяющая дышать дым наружу, мыться не в пеще, дышать свежим воздухом. Но фоточны

революция пока еще не пробрала, в малельких рамках окошек.

Здесь — глушь. После аулов: Кабардино-Балкарии, перестраивающихся в агрогородки, после ущелей Черкессия, после станции Северного Кавказа, после пегольских изб Украины темпо и гласзо гадят эти села на ступке Рашани, Саранска, Тамбова. Жить один их вид скажут загадочным обвинительным актом против эпохи помещиков, против царской России, против единичного хозяйства, и ведаюх история сахарного завода княгини Долгоруковой в селе Земетчино есть история нападения, поджогов, вспыхива народной неапатисти. Словои княгиня долзана своими руками выбраала из черноземной земли не свеклу, а куски мяса из животного тела крестьянина. Высаживала на черноземом не соки сахарной свеклы, а радость жизни, ее силу и молодость, ее свет и свежесть. Словои в матежной окраске свеклы концентрировалась густая нежность полудюлодой деревни, занаванной в тараканю щелье нищеты, на педуюшну язици, на кислые земли.

И в этой отстой отстойной деревне коллективизация создала Академический Малый театр и подготовила и сподаетию Ильяну Ильича в том же, бывшем куцде Варгана, что в Москве, на Театральной площади, а в селе Земетчино, а здании сахарного комбината Наркомснаба СССР.

3.

В Малом театре шли споры: можно ли вводить в театро-то деревеньку реплика — мидри величайшего Давыдово-горюничего? Можно ли снимать традиционный залавес театра Сафонова для деревенской сцены? И вужны ли деревне парники Ялочкиной?

Если бы эти споры разгорелись, вужаули, встал бы вопрос о том, нужно ли зту деревню, говорившую «кнеп, перу, чайник», вести классический русский язык, ставший законом театра классической русской драмы, вужно ли вырвать дедом Савелием из села Шындя и не решающимся всезу сменить девчата на Рашанье демонстрировать великие традиции Шпенкина.

В чести театра, вужно сказать, что он отнесся к задаче создания своего филиала в деревне с огромным чив-

ством, ответственности. Малый театр пришел в деревню честно и искрено.

Он пришел и начал работать. Без отдыха, без клятв, без фразерства, без громких слов. Без приспособленчества, без гастрольных катур, без урона достоинства академического театра.

Иде его первым репетиций и постановок казалась праздничком района. Вся жизнь района концентрировалась вокруг облога колхозных артистов. Промыт или них были разговоры о промывке светла, о сеносе, и Гордей Ильич Макаров поставил себе задачей выстроить одновременно каменный амбар для хлеба и каменное здание театра.

Театр не обманел. Деревня приняла его с трогательной лаской, с радушем, приняла как победу, как свое горжество, как родное дитя. Данным-лавно так четко, как здесь, не дождило до артиста каждое слово великой комедии Гоголя. И мне вспоминались огневые годы гражданской войны, подвиги артистичунов и соборные паперти, на которых под гурт неадекого колб брагоруемейши котроле «Гамлета» и «Ревизора», и каждый из них в бою становился Карлом Моор. Мне вспоминались друг, обитый с тачани пущей, извасово прославившей явгов, а бредивший фразой, залившей в память посде вчерашнего спектакля: «И веревочки в дороге пригодятся».

И видел предпродсовет, наказывающего сотрудничани: «Да, развезать, на скоро старий забор, что воле сажажана, и поставит соломенной веку, чтобы похоже было на пшавируку. Она чей больше ломки, тем больше ознаает действительности предпродврательна...» («Ревизор»).

Когда обзоы колхозов на грузювачки, на ливейках, на тесетах с'сжазаны на премьеру и роша горделиво водвурнуты, олобаси осеащалаась электричеством, когда люди, вчера ушедшие из курной избы, восторженно аплодируют Гоголю и артистам, — тогда Николай Васильевич Гоголь впервые широко и свободно шагнул в деревню, открывая деревню Шенширу. Пршло, пришло то время, когда вужно не Валзера и не Мидюда гуашто, — Великого а Гоголя почео со сцены и в библиотеки. Тогда на рассвете над отсталым народом, над черноземными вспыхнуло зарево, и золото его света плавилось в голубое реж, инвюворно озолотил ари ложиско на веопинах деревьев. Это подымалось

полноправное утро искусства, занимавшее ружиний советский день.

4.

В своей речи на XVII съезде партии т. Сталин указал на черты нащетои новой деревни, в которой на место церквей и лучших домов поа, урядника, куцла «выступают новые деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, с школами, библиотеками и ищелье, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями».

Завод Долгоруковой, высасывавший соки из нищих изб, неузнаваемо реконструирован. Но еще сильнее, чем его производство, реконструирована его социальная роль. Земли Волконских и Воронцовых (Дамовых) и земли едноточных мест реконструированы в своем обшине и в своей социальной роли МТУ и колхозами. Завод коммунка с тремя совхозами и тремя МТС, и эта индустриальная база социалистического сельского хозяйства района стала базой, на которой создан Академический Малый театр Земетчино, стала узлом, в который торжана и производственная смитка рабочего класса с деревней вилеза лавры искусства шли художества, как определял тракторист Турбин.

И поэтому тракторист Турбин в полдню согласия с девушками из Рашана, с Варейским — секретерем воронекского обкома ВШО(б), с артистами, высклазивши за выполнение хлебобеспорядка до копы свеклы, предложил сообщить тов. Сталину о новых признаке новой деревни: — Театре.

Мы полагаем, что предложение тракториста Турбина — очень серьезно и обоснованное предложение. Мбо выход Малого театра на совхозно-колхозную сцену — только проток в массовую выкладу всех жанреспособных, лучших и настоящих театров на сцену наших деревень. Мбо Гордей Ильич Макаров, азартно строящий колоды для стешных тубаров, свозарания для ангажированной; даром не станет строить каменные театральные здания. Он превозмодел чует злобу, он слышит ее зардорные пещи. Он знает: театр идет! Хутор «Соседка».